

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 159.9.01 + 159.964.2 + 316.613

Г. А. Шеметов

ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО РЕДУКЦИОНИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье анализируются методологические основания современной гендерной теории. Ее целью является критика стереотипов метафизического мышления в различных версиях социальных наук. Это дает возможность исследовать познавательный потенциал неклассической гендерной теории, преодолеть натуралистический и социально-конструктивистский редукционизм, а также показать ее связь с актуальными общественными процессами и политиками идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная философия, гендер, метафизика, редукционизм, бинаризм, фаллоцентризм, натурализм, социальный конструктивизм, феминизм, психоанализ, постструктурализм, идентичность, сексуальность, политика.

Общие методологические замечания

Динамизм общественных процессов и изменение обстоятельств жизни людей в качестве теоретических последствий имеют возникновение новых социально-философских дискурсов, методологические основания которых должны быть внимательно проанализированы с целью выяснения их познавательного потенциала. Основное ядро проблем, характеризующих современную интеллектуальную ситуацию, связано с несколькими обстоятельствами. С одной стороны, усложняются способы теоретической концептуализации антропологических явлений в контексте отказа от метафизического мышления, которое на протяжении длительного времени предполагало их субстантивацию и необоснованную универсализацию. С другой стороны, традиционные теоретические модели общественной системы как внеположной тотальности, предписывающей абстрактным самотождественным индивидам линейные схемы функциональной адаптации, также обнаруживают свою несостоятельность. Междисципли-

лиарные гендерные исследования в этом контексте представляют особенный интерес, поскольку, располагаясь на границах различных дискурсов, в концентрированном виде выражают актуальные для них эпистемологические, аргументативные и концептуальные переходы. Сегодня при исследовании феномена биологического пола и его культурных измерений приходится преодолевать сопротивление со стороны метафизических концепций, обосновывающих человеческое существование с точки зрения абстрактных схематизмов и представлений о неизменной сущности. Понимая под метафизикой принцип редукции многообразия социальных и антропологических опытов к единому и общему основанию, теоретически легитимирующему их качественную разнородность, необходимо осуществлять критическую экспертизу различных версий гендерной теории на наличие в ней элементов метафизического мышления, чтобы на этой основе появилась возможность артикуляции необходимых методологических и политических выводов.

Применительно к современным исследованиям в области гендера можно утверждать, что средства классического философского, социального или естественно-научного знания не могут описывать их содержательную полноту и многомерную сложность, поскольку в методологическом смысле являются разновидностями метафизического редукционизма. Собственно, начальный период становления гендерной теории (прежде всего эссенциалистские версии либерального и радикального феминизма) в полной мере отвечал указанным критериям определения метафизического способа мышления с присущими ему терминологическими и аргументативными стереотипами, поскольку обнаруживал установку на утверждение бинарных оппозиций и господство привилегированных терминов. Напротив, современная гендерная теория, столкнувшись с новыми биополитическими практиками, предложила нетривиальные интеллектуальные возможности для проблематизации альтернативных форм идентичности на основе критического переосмысления познавательных процедур метафизического типа.

Гетерологический характер современной гендерной теории позволяет концептуализировать феномен гендерно обусловленного тела как сингулярный опыт недialeктического различия. Можно утверждать, что, во-первых, данный метод отвергает любые варианты онтологии сущности, которые влекут когнитивную установку на репрезентацию бытия самостождественного человека как присутствия, т. е. признает ангажированность «объективного» знания о человеке как о природном, социальном или божественном существе, а во-вторых, позволяет проблематизировать событие интересубъективного взаимодействия как различающую коммуникацию, где невозможно присвоение или диалектическое отрицание Другого (основанное на гендерном бинаризме и фаллоцентризме как признаках традиционного метафизического мышления) и где существование обосновывается изнутри структуры различий. Кроме того, в практическом плане, деонтологизируя гендерные схематизмы, гетерологический метод стремится показать динамику нестабильного экзистенциального и идентификационного опыта в контексте разрывов идентичности и множественных властных инвестиций в актуальной исторической ситуации. Пространственно-временной

континуум отношений между индивидами в этом случае будет описываться как ряд событий, где понятия «маскулинность» и «феминность» не даны изначально как трансцендентальные означаемые, но каждый раз конституируются тем или иным образом в игровом режиме саморазличения.

В рамках данной статьи требуется подвергнуть критическому переосмыслению методологическую установку натуралистического и социально-конструктивистского редукционизмов в виде дискурсов фрейдистского психоанализа и классической гендерной теории, тесно связанной с концепциями социального реализма и структурного функционализма. Это позволяет рассмотреть теоретические способы установления онтологически мотивированных связей между полом, гендером, желанием и сексуальностью, а также процесс легитимации тех или иных версий гендерной политики в контексте дисциплинарного типа социальности и производства субъективности. Данная работа необходима для того, чтобы утверждать возможность деконструкции классической гендерной теории, заострив особенное внимание на проблеме гендерного бинаризма и фаллоцентризма как ее системообразующих концептуальных признаках. В конце концов, мы получим методологическую возможность определить контуры нетривиальной гендерной теории в качестве варианта постклассической социально-философской рациональности, с помощью которой можно проблематизировать биополитические практики и пороговые формы идентификации в постсовременных «обществах контроля».

Преодоление классического психоанализа

Проблема взаимоотношений между гендерными и психоаналитическими дискурсами решается двояко. Значение психоанализа состоит в том, что он представляет собой, наряду с ницшеанством и марксизмом, успешную попытку пересмотра классических концепций гомогенной, прозрачной и самотождественной субъективности классической философии. Подобно тому как неклассические психоаналитические теории открывают возможность интерпретации расщепленного, сложно-структурированного субъекта, поднимая вопросы, связанные с явлениями бессознательного, желания и языка, современные гендерные исследования отдают приоритет множественности политик идентификации. В данном случае переосмыслению подвергаются лишь исходные натуралистические и дуалистические установки классического психоанализа.

Можно утверждать, что классический психоанализ, наиболее значительным представителем которого является З. Фрейд, построен на методологических установках биологического фундаментализма и гендерного бинаризма (взаимно детерминирующих друг друга), т. е. обладает отчетливыми метафизическими признаками, а потому не способен интерпретировать миноритарные практики гендерной идентификации иначе, как в качестве формы психопатологии. Когда мы говорим о гендерном бинаризме, подразумевается, что он проникает во все измерения культуры, а также оказывает решающее влияние на способы производства знания и специфику отношений между людьми в обществе. По словам неофеминистской исследовательницы С. Бем, «даже в феминистской

среде распространено убеждение: если устранить андроцентризм и биологический эссенциализм, останутся только половые различия. На самом же деле даже в отсутствие этих двух факторов повсеместно существующая организация социальной жизни, основанная на различии между мужчинами (мужским) и женщинами (женским), сохранилась бы. Социальная жизнь настолько тесно связана с этим различием, что всеобъемлющее разделение на мужское и женское все равно проникало бы буквально во все аспекты человеческого существования, включая не только манеру одеваться и социальные роли, но также способы выражения эмоций и сексуального влечения» [3, 123].

Исходя из конструктивистского восприятия пола, можно показать, что выводы классического психоанализа, построенного на установке натуралистической методологии, включающей в себя понятия «эдипов комплекс» и «комплекс кастрации», во-первых, устанавливают взаимоисключающие жизненные сценарии для мужчины и женщины; во-вторых, определяют антропологические характеристики, отклоняющиеся от этих сценариев как аморальные или биологически аномальные; в-третьих, в плане терапевтического воздействия воспроизводят психологические диспозиции, препятствующие подлинной демократизации интимности.

Возможность критического пересмотра традиционного психоаналитического дискурса связана с рядом альтернативных концепций, деконструирующих методологию натуралистического редукционизма и бинарную гендерную схему. Среди прочих следует упомянуть прежде всего о феминистски ориентированном психоанализе, структурном психоанализе Ж. Лакана, а также о постструктуралистских аналитиках женской телесности.

Как отмечает И. Жеребкина, «отход в теории психоанализа от трактовки гендерной идентичности в терминах Фрейдова кастрационного комплекса связан с концепциями женского бессознательного и сексуальности Эрнста Джонса, который утверждал, что женская сексуальность не определяется механически через кастрационный комплекс, а формируется на уровне отношения ребенок/мать, где центральной фигурой отношений является мать и где отсутствует опосредование данной двойственной структуры третьим членом — функцией Отца» [8, 349]. В этом плане одной из теоретически масштабных и интересных попыток рассмотреть доэдипальный интересубъективный контекст в отношениях мать/ребенок выступила психоаналитическая концепция М. Кляйн [17]. По ее мнению, социальный порядок устанавливает определенное распределение гендерных ролей, а потому с самого начала девочка или мальчик ориентируются на зависимый или активный типы идентификации. Вместе с тем женский тип чувственной идентификации нельзя маркировать исключительно в негативных терминах, к нему неприменимы оценки и значения маскулинистской культуры, поскольку феминный доэдипальный симбиоз представляет собой альтернативное отношение, открывающее возможность гармоничного развития. Здесь бинарная гендерная схема пересматривается с точки зрения различия, исключая какую бы то ни было возможность определения доминантного термина оппозиции.

Похожим образом К. Миллет в «Сексуальной политике» подвергает критике психоаналитическую концепцию феминности Фрейда, утверждая, что

женскую субъективность нельзя определять как зависимую от фигур отца, врача, аналитика и т. д. [19]. Задача исследования заключается в доказательстве самодостаточности женского желания, и для этого предпринимается попытка апеллировать к знаменитому «случаю Доры» во фрейдовской психоаналитической практике как символу наличия автономных конститутивных параметров женской субъективности и теоретического бессилия традиционного психоаналитического дискурса. Когда пациентка трансформирует физические симптомы болезни в нарративную форму интерпретации, врач становится соучастником женских истерических переживаний. Современные интерпретации «случая Доры» сводятся к анализу парадигмального переноса, в котором мужчина (Фрейд), создающий нарративную историю женской субъективности, репрезентирует свое собственное желание, подменяя им женские желания. Очевидно, что в данных условиях пациентка не может стать субъектом своей собственной истории, а претензии фаллического эдипального дискурса на аутентичную реконструкцию феминной симптоматики оказываются по меньшей мере необоснованными [6].

Чтобы лучше понять неспособность классического психоанализа проблематизировать женскую субъективность, стоит обратиться к исследованию феномена истерии в работах Л. Иригарэ, которая деконструирует фаллоцентристскую конструкцию женщины как «другого» мужчины, обосновывая специфическую структуру женского экзистенциального и чувственного опыта [16]. Важно отметить, что философскую модель Иригарэ невозможно редуцировать к тривиальной субстантивации структур женской сексуальности и желания, поскольку она склонна понимать эту структуру как децентрированную и перформативную. Фигура истерической субъективации позволяет указать на потенциал критического пересмотра сексуального бинаризма внутри психоаналитического дискурса. Техника истерии — это специфическая форма женской активности, осуществляющая «эксцессивный мимезис», подрыв патриархатного дискурса и логики фаллоцентризма. Как отмечает Иригарэ, в мужской дискурсивной картине представление «женского» неотделимо от дискурсивного акта насилия, редуцирующего его к «внутренней» характеристике мужской самотождественности. По этой причине в классическом психоанализе женская субъективность концептуализируется через корреляцию с мужскими моделями субъективного развития. Разрушение фаллоцентристского статуса женщины в культуре происходит посредством поиска следов женского эротизма, не укладывающегося в рамки патриархатной нормализации; оно предполагает создание «генеалогии женщин», реорганизацию сексуальной, лингвистической и социальной систем. Если фаллическая концепция сексуальности Фрейда, конституированная бинарными оппозициями типа «доэдипальное versus эдипальное», «клиторальное versus вагинальное», понимает женскую сексуальность как мужскую, то Иригарэ предлагает диаметрально противоположную модель сексуальной децентрации как нередуцируемости к какой-либо одной телесной локализации (органу/оргазму), открывая новые телесные пространства в культуре и философии. Телесный истерический симптом является формой преодоления патриархатной эго-идентичности и активным женским ответом на фаллократичес-

кую аннигиляцию — «симптомальной борьбой» за достижение автономии [17]. При этом структура истерии интерпретируется как ложная, поскольку является собой соблазняющую пародию на то, что ожидается от женского; «симулятивным образом копируя те ожидания мужской культуры, которые от нее требуются, на самом деле, “истеричка” удовлетворяет не их требования, а свои собственные» [9, 58]. Отметим, что концепция сексуального различия Л. Иригарэ близка к размышлениям Ж. Бодрийяра, ищущего возможность критики существующих форм взаимоотношений между женскими и мужскими практиками субъективации посредством актуализации женского, понятого уже за рамками оппозиции мужское/женское. В работе «Соблазн» он радикализирует эту логику, напоминая нам о том, что в стихии соблазна женское перестает быть маркированным либо немаркированным термином оппозиции, поскольку не взыскует своей истины, но соблазняет [5].

В границах неклассической психоаналитической теории одной из наиболее радикальных версий переосмысления биологического фундаментализма как разновидности метафизического мышления выступают лакановская версия психоанализа и ее феминистские реинтерпретации. По утверждению Дж. Батлер, «Лакан оспаривает приоритет, отданный онтологии в рамках западной метафизики, и настаивает на подчинении вопроса “Что есть,/имеет бытие?” более первичному вопросу “Как “бытие” устанавливается и выделяется обозначающими практиками патерналистской экономики?”», т. е. «онтологическая спецификация бытия понимается как обусловленная неким языком, структурированным отцовским законом и его механизмами различения», а «всякая вещь принимает характеристику “бытия” и становится мобилизованной этим онтологическим жестом только в структуре обозначения, которая, в качестве Символического, сама по себе доонтологична» [2, 423]. Известно, что Ж. Лакан обратил внимание на лингвистические контексты бессознательного, рассматривая индивида не в качестве анатомического субъекта, но в качестве «говорящего», проживающего жизнь на символическом уровне. Бессознательное интерпретируется у Лакана как сложная, многомерная и гетерогенная среда, а структура субъективности — как принципиально несводимая к гомогенной «эго-идентичности». Субъект осмысливается как обладающий историями, которые в каждый следующий момент актуализации могут меняться и каждый раз перепределять структуру их носителя. Бессознательное препятствует стабильной субъективации, что соответствует представлениям о фрагментарном, разорванном опыте существования в современной культуре и биополитических режимах производства субъективности в обществах «позднего капитализма».

Решающая роль в гендерных отношениях принадлежит символическому объекту желания. Именно в этом ключе Лакан интерпретирует «эдипов комплекс». Если у Фрейда речь идет о биологическом отце, то у Лакана скорее об «имени отца». Фаллос здесь не физический орган, а атрибут власти, недоступный во всей своей полноте ни мужчинам, ни женщинам, поскольку представляет собой символическое замещение желания и нехватки. Фаллос интерпретируется как возможность доступа к символическому порядку, поэтому по отношению к нему конституируются как мужская, так и женская идентичность.

Психоаналитическая теория Лакана выступила с критикой представлений о картезианском *cogito* и универсальном субъекте, а также акцентировала значимость социолингвистических параметров субъективации. Тем не менее в феминистской теории она была подвергнута критике за фиксацию структуры значения и символического порядка на фаллическом трансцендентальном означающем. При этом подчеркиваются либо необходимость активизации женской субъективности и утверждения независимости *feminine jouissance* от фаллоцентристской структуры [11], либо плюральность конструкции фаллоса, позволяющая проблематизировать асимметричный символический статус женственности и мужественности [10]. Очевидно, что первый подход утверждает аутентичность феминного телесного опыта, независимого от символического универсума, в то время как второй стремится разрешить вопрос о том, как он устанавливается обозначающими практиками фаллической экономики и в этом отношении представляет больший интерес с точки зрения предлагаемого нами постметафизического методологического каркаса.

Конкретизируя содержание второго из упомянутых подходов, Дж. Батлер отмечает, что в лакановской теории «быть» Фаллосом и «иметь» Фаллос — это две расходящиеся половые позиции в языке. «Быть» Фаллосом — значит быть «означающим» желания Другого и *являться* этим означающим. Иными словами, это значит быть объектом, Другим (гетеросексуального) мужского желания, но также представлять или отражать это желание [2, 423]. Интересно то обстоятельство, что для женской позиции «быть» Фаллосом означает «отражать силу Фаллоса, обозначать эту силу, “воплощать” Фаллос, “будучи” его Другим, его отсутствием, нехваткой, диалектическим подтверждением его тождества» [Там же]. Символическая система основана на взаимоисключающих позициях «обладания» Фаллосом (маскулинность) и парадоксального «бытия» Фаллоса (феминность), которые напоминают гегелевскую структуру отношений господина и раба. Однако, по утверждению Батлер, вопрос о том, «кто или что обозначает и обозначает что или кого в этом явно кросс-культурном процессе?» ставится в границах, «предполагающих наличие субъекта как означающего и объекта как означаемого, традиционную эпистемологическую дихотомию философии в период деструктуралистского передвижения субъекта» [Там же, 424], в то время как Лакан ставит под вопрос такую схему обозначения. «Взаимоотношение полов он формулирует в терминах, раскрывающих владеющее речью “Я” как маскулинизированный эффект вытеснения, представляющийся самостоятельным и самообосновывающим субъектом, однако когерентность этого субъекта ставится под вопрос самими половыми позициями, которые он исключает в процессе формирования тождества» [Там же]. В действительности мужской субъект только по видимости порождает смыслы, поскольку «пытается скрыть вытеснение, которое является его основой и вместе с тем извечной возможностью утраты им основы и почвы под ногами... Процесс конституирования смысла требует, чтобы женщины отражали эту мужскую силу и всюду подтверждали эту силу реальности в ее иллюзорной самостоятельности. Данная задача по меньшей мере осложняется, когда требование, чтобы женщины отражали самостоятельную

силу мужского субъекта/означающего, становится существенным для построения этой самостоятельности и, стало быть, основой радикальной зависимости, на деле подрывающей ту функцию, которой она служит. Но, более того, эта зависимость, хотя и отрицаемая, также *предмет стремлений* мужского субъекта, ибо женщина как внушающий уверенность знак есть неуместная метафора материнского тела, тщетное, но неотступное обещание возврата индивидуационного наслаждения» [2, 424].

«Бытие» Фаллосом неудовлетворительно, поскольку лишает возможности прямого утверждения автономного женского желания, а позиция «обладания» Фаллосом имеет существенный недостаток в том, что мужчины никогда не «бывают» Фаллосом (пенис не эквивалентен закону и никогда не может в полной мере его символизировать). Наиболее существенным в этой концептуальной модели является описание женской позиции, которая репрезентируется как нехватка, утверждающая Фаллос, и интерпретируется в терминах «маскарад», «эффект меланхолии». Согласно Дж. Батлер, «с одной стороны, маскарад может быть понят как сценическое исполнение какой-то сексуальной онтологии, игра, достаточно убедительная, чтобы казаться “бытием”; с другой — маскарад может быть рассмотрен и как отрицание женского желания, предполагающего некую первичную онтологическую женственность» [Там же, 426]. Нам представляется, что в соответствии с установками структурного психоанализа Ж. Лакана можно говорить о комедийном аспекте «сексуальной онтологии» как пародийной деконструкции, где символическая реальность оказывается несамодостаточной в своем нон-финальном становлении, а неразрешимость женской позиции не позволяет ее субстантивировать именно потому, что является способом саморазличения символического закона.

Наряду со структурным психоанализом Лакана существуют другие версии феминистски ориентированного психоанализа, которые разрабатывались как антипод традиционному подходу биологического фундаментализма в различных аспектах и прежде всего в плане проблематизации гомосексуального желания и кеег-идентичности. В этой связи необходимо упомянуть о психоаналитической концепции Т. де Лауретис и оппонирующем ей подходе Э. Гросс как специфическом преломлении шизоанализа Ж. Делеза и Ф. Гваттари на новые предметные области.

Работа Т. де Лауретис «Практики любви: лесбийская сексуальность и перверсивное желание» [18] стремится на новых теоретических основаниях осмыслить возможности соотношения феминистской теории с психоанализом, а также с эксцентричными политиками современной культуры. Целью исследования является определение основных понятий позитивной теории миноритарной женской сексуальности, и в первую очередь концептуализация лесбийской гомосексуальности, субъективности и желания с позиции интеллектуальных практик, не укладывающихся в репрессивные схематизмы гетеросексуального дискурса. Свою концепцию Т. де Лауретис строит на основе эдипальной психоаналитической теории, выступая против утопических трактовок лесбийской сексуальности как ностальгии по потерянному доэдипальным отношениям между матерью и ребенком («лесбийский континуум» А. Рич)

и утверждая, что возможный доступ к доэдипальной фазе неизбежно опосредован эдипальной. При этом основные термины классического психоанализа приобретают новое содержательное измерение: например, де Лауретис утверждает, что в основе лесбийской сексуальной фантазии лежит не Фаллос, но фетиш как отсутствие объекта желания женского тела и субъективное желание по отношению к нему. В результате «лесбийское желание определяется не по отношению к фаллосу, но по отношению к фетишу — неприсваиваемому, потерянному объекту» [7, 196]. Таким образом, означаемым лесбийского желания являются не генитальные анатомические образования, а фантазматические образования — объекты или знаки. Учитывая, что Т. де Лауретис выстраивает свою теоретическую модель на основе концепции сексуальности Лакана, в которой гендерные дифференциации воспринимаются как символические конструкции, такой вывод представляется вполне объяснимым и методологически оправданным.

Э. Гросс — еще одна известная неофеминистская исследовательница, которая разработала альтернативную и более радикальную версию экспериментального лесбийского желания на основе психоаналитических терминов «поверхности» и «эффектов поверхности», вступив в оппозицию по отношению к психоаналитической концепции queer-желания Т. де Лауретис [18]. Основное отличие концепции лесбийского желания Э. Гросс [15] от концепции Т. де Лауретис заключается в том, что если вторая понимает структуру лесбийской сексуальности как экономию нехватки, то первая — как экономию производства, иными словами, если в психоаналитической концепции Т. де Лауретис прочитываются лакановские идеи об измерении отсутствующего объекта, то у Э. Гросс лакунарность утопического опыта (Реальное Лакана) представлена в качестве самопроизводства бессознательных машин желания. Гросс считает, что используемая Т. де Лауретис для описания лесбийской сексуальности модель «желания к желанию» воспроизводит гегелевское определение желания, оставаясь метафизической (по Гегелю, обеспечить желание объектом — значит уничтожить его, а следовательно, единственным объектом желания является другое желание). Такая структура желания воспроизводит традиционную гендерную дихотомию как основную характеристику фаллоцентризма, несмотря на то, что отказывается от ее биологического обоснования: момент нехватки или неудачи желания маркируется как доминанта феминного, а момент реализации желания — как доминанта маскулинного. По этой причине Гросс отказывается рассматривать лесбийское сексуальное партнерство через модели нарциссического удваивания или дополнительности. С ее точки зрения, в структуре лесбийского желания необходимо рассматривать ассамбляж взаимодействующих частей в противовес бинарным оппозициям. Желание, понятое в контексте интенсивностей и поверхности, является скорее сферой расширения или дистрибуции интенсивностей, которые соотносятся друг с другом, превращаясь в «нечто другое», становясь «чем-то еще», никогда не обретая цель или стационарную идентичность.

Перформативная субъективность и гендерная неопределенность

Для того чтобы понять особенности теоретической революции, произошедшей в социальной науке и гендерной теории в контексте отказа от утверждения метафизической парадигмы мышления, мы обратимся к двум наиболее репрезентативным концепциям последнего времени, пересматривающим методологические основания и концептуальный аппарат классической гендерной теории, — концепции «перформативной субъективности» Дж. Батлер и концепции *queer*-идентичности И. К. Сэдживик, утверждающих принципиальную нестабильность любой сексуальной или гендерной субъективации относительно контекста общественной реальности.

В своих работах Дж. Батлер осуществляет последовательную критику понятий философского языка феминистской теории, что открывает возможность преодоления классической феминистской парадигмы. Батлер анализирует политики репрезентации мультиплицированного гендера в современном обществе, развивая постструктуралистскую проблематику и используя методологические положения деконструктивизма, что позволяет ей в первую очередь избавиться от тех контрпродуктивных стереотипов ранних версий феминистской теории, которые вытекают из метафизической интерпретации понятия «гендер».

Конструкция «перформативной субъективности» основывается на отказе признания «предискурсивного я» в структуре идентичности. Гендер перформативен постольку, поскольку идентичности конструируются в самом акте представления. По мнению Батлер, перформативное действие процессуально и бесосновно, может совершаться вне актов корреляции с трансцендентальным *ego* (примером служит бессознательное поле субъективности, не оформляющееся в сознательное «я»). Гендер — процессуальный общественный и лингвистический конструкт, в матрице которого возникает эффект «я». Если традиционный метафизический механизм порождения желания и гендерной идентичности в субъективной структуре (гендерная поляризация и бинаризм «изначальной гетеросексуальности желания») строится в ракурсе заранее определенного дискурсивного порядка, исключая все маргинальные, нонконформистские его проявления, то перформативность, напротив, допускает вариативность форм порождающегося желания и гендерной идентичности во времени и пространстве, радикально проблематизируя традиционную структуру субъективности.

Основная идея Дж. Батлер заключается в том, что бинаризм и иерархизация содержатся в традиционной оппозиции «пол *versus* гендер» (предискурсивная данность — социальный конструкт), недопустимой для современной феминистской теории. Для Батлер и гендер, и пол в равной степени являются продуктами реализации властных стратегий, которые не могут описываться исключительно в негативных терминах. Уместно привести цитату из «Гендерного беспокойства» для прояснения сомнения в устоявшихся концептуальных определениях: «Если гендер представляет собой культурные значения, которые присваивает себе тело определенного пола, то это лишает нас права утверждать, что он каким-то образом происходит от пола... Предположение о бинарной

гендерной системе скрытым образом поддерживает веру в миметические отношения между полом и гендером, посредством которых последний отражает пол или же ограничивается им. Когда сконструированный статус гендера рассматривается как полностью независимый от пола, пол, в свою очередь, становится неопределенным искусственным изобретением» [1, 306]. Мы не можем отсылать к «предзаданному» полу или гендеру, предварительно не изучив то, как и посредством чего задается пол и/или его культурная интерпретация. Пол — часть регулятивной практики, которая производит тела и управляет ими, он присваивается субъектом в процессе идентификации. Гендерная поляризация накладывает отпечаток на биологический континуум генов, хромосом, гормонов и физиологических функций, составляющий пол как таковой. Батлер считает, что выходом из проблемной ситуации является постановка вопроса о том, как переформулировать понятие гендера таким образом, чтобы зафиксировать властные отношения, которые производят эффект додискурсивности пола и скрывают саму деятельность дискурсивного производства.

На данном этапе можно было бы отметить, что вульгарные редуccionистские доктрины социального конструирования гендера имплицитно содержат в себе мнимую оппозицию додискурсивного пола и дискурсивного гендера, а потому не способны мыслить социальное производство и производство субъективности в формате нестабильного, взаимообусловленного творческого становления. Например, отнюдь не случайно теоретические версии социального конструирования гендера Т. Парсонса и Р. Бэйлза [20] и даже драматургический интеракционизм Э. Гофмана [14] содержат эссенциалистские тезисы, рассматривая половые различия на уровне социального взаимодействия как выражение натурализованной половой сущности индивидов. «Гендерная игра», осуществляемая в социальных взаимодействиях, становится здесь якобы «естественным» проявлением социально организованной сущности биологического пола актеров. Половые различия наделяются социальным смыслом в соответствии с принципами институциональной рефлексивности, которая рассматривается как встроенность гендерных стереотипов во все институты общества. Поздние теории конструирования гендера П. Бергера и Т. Лукмана [4], а также этнометодология Г. Гарфинкеля [13], напротив, избегают редуccionистских трактовок отношения природного и культурного измерений, подчеркивая деятельностный характер усвоения опыта: субъект создает гендерные правила и отношения, а не только воспроизводит их. Впервые потребность в пересмотре вульгарных теорий гендерной социализации возникла в связи с проблематизацией изменения дискурса о гомосексуализме; другим фактором явилось обсуждение проблемы транссексуалов. Наконец, третий вызов был связан с осмыслением новейших биологических исследований, согласно которым однозначное приписывание пола по хромосомным и генетическим признакам затруднительно. Все явления, прежде рассматривавшиеся как перверсивные или патологические аномалии, в постсовременном постметафизическом дискурсе нашли место как выражение многообразия жизни; и сегодня становится все более очевидным, что даже категоризация по половому признаку может осуществляться лишь в интерактивном процессе взаимодействия индивидов, но не является следствием априорной установки.

Отказ от тотального субъекта классического феминизма влечет за собой критику установок уникальной женской субъективности, радикально отличающейся от мужской (и наоборот). Напротив, постдисциплинарный субъект не может интерпретироваться как стабильный и унифицированный. Прежде всего, необходимо определить пространство дискурса, внутри которого субъект создан. Перформативность в понимании Батлер — результат воспроизводства регулятивных социально-культурных норм в обществе, она ретроактивно конструирует эффект некоей «истинной» женской или мужской «сущности». Отказ от додискурсивной идентичности открывает возможность использования альтернативных стратегий поведения и говорения, обретения идентичности вне эссенциалистских обоснований. Перформативность пола — это цитатность закона власти, т. е. идентификация, надетая на тело. При этом Батлер не признает существования властного закона как априорного по отношению к перформативному действию субъекта (как это имело место в классическом психоанализе З. Фрейда), но понимает социальный закон в качестве производящегося через систему «цитатности» параллельно с производством самой субъективности.

В целом концепция Дж. Батлер является показательной в том плане, что эксплицирует изменения, произошедшие в современной феминистской и гендерной теории в последние десятилетия, и как «транс-дискурсивная позиция» (М. Фуко) открывает фактом своего прецедента в культурной среде определенную традицию исследовательских практик. Совокупность стоящих перед гендерным дискурсом вопросов, по Батлер, такова: 1) каким образом гендерная политическая теория должна дискурсивно реагировать на новые условия функционирования дисперсной, нелокализуемой власти? 2) какие виды активности возможны внутри критической позиции, которая сегодня работает вне понятия универсального субъекта или стабильного «я»? 3) может ли существовать деконструктивная политика вне онтологического основания единой гендерной категории? 4) если становится понятным, что политический дискурс может иметь различные и меняющиеся сигнификации (в том числе симулятивные, ложные или бессознательные), то каковы в таком случае политические последствия как для теории феминизма и феминистских практик, так и для мужских практик деконструкции традиционных маскулинных идентичностей?

Отвечая на эти вопросы, Батлер отмечает, что представление о структурно расширенном субъекте позволяет осуществлять критику традиционных политик идентичности; кроме того, если субъект перманентно субъективируется, не являясь окончательно заданным, то он выступает в качестве потенциала ресигнификативных процессов, т. е. не поддается означивающему механизму власти. Попытки придать нормативный универсальный контекст категории «женщина» или «мужчина», заранее коннотируя гарантии солидарности, не приведут к интегрирующему основанию освободительного движения. Любые групповые обозначения в новом логическом и политическом контексте должны допускать множество различий и быть открытыми к перманентным изменениям. Поэтому основным теоретическим вопросом должен стать вопрос о том, на основе каких механизмов исключения и дискриминации «женщина» и «мужчина» сконструированы как категории внутри различных дискурсов.

Другой яркий пример концептуальной проблематизации классической гендерной теории, ее аргументативных метафизических стереотипов и универсалистских политических притязаний представляет работа И. К. Сэдживик «Эпистемология чулана», переопределяющая эту теорию с точки зрения исследования миноритарной queer-идентичности и субъективности. По мнению автора, многие из основных позиций мышления и знания в западной культуре XX столетия выстраиваются в контексте эндемического кризиса в дефинициях гомо/гетеросексуальности. При этом утверждается, что гомо/гетеросексуальное разделение, имеющее фундаментальное значение для современных политик идентичности и социальной организации, влияет на культуру посредством нестираемых определений бинарных категорий. Дефинитивные оппозиции культуры, подорванные деконструктивистской критикой, не позволяют вести речь об их нейтрализации в свободной полисемантической игре — они остаются политически нагруженными: по словам Сэдживик, «понимание их неразрешимой неустойчивости всегда имело место и постоянно придавало дискурсивную власть как антигомосексуальным, так и гомосексуальным культурным силам нашего века» [12, 17]. Это важное замечание необходимо принимать во внимание при обсуждении сексуальной и гендерной политики, масштабность которой велика именно по той причине, что «категории гендерного угнетения могут обладать структурирующей силой для мыслительных построений, для основ культурной дискриминации, тематически не связанных с гендером» [Там же, 39].

Важный методологический вопрос, который решает автор, — вопрос о концептуальных отношениях «сексуальности» и «гендера» (который в прагматическом плане позволяет конкретизировать проблему взаимосвязей между (нео) феминистской и queer-теорией, а также прояснить противоречие в интерпретации гомосексуального выбора в качестве порогового или сепаратистского). Интерпретация гендера, осуществляемая И. К. Сэдживик, вытекает из пересмотра классической бинарной концепции гендерного производства, которая, в свою очередь, имеет основания в некорректной и необоснованной натурализации бинарной схемы хромосомного пола, поэтому для деконструктивной работы автор прибегает к нейтральному концепту «сексуальность».

Причины легитимности порядка гендерной поляризации кроются в его самозамкнутом, аутопойетическом характере, бесконечно производящем свои собственные симулятивные эффекты в качестве несуществующих онтологий и референтов (в данном случае таковой является хромосомная оппозиция). Более того, морфологические различия женского и мужского тела в нулевой степени, не подвергнутого культурным интерпретациям и социальным искажениям, гипотетически могут быть отнесены к двум (по определению противоположным) классам, но пол «XX» не может быть противоположным полу «XY» в смысле биологического кода. Это обстоятельство заставляет нас вступить в полемику с рядом классических феминистских движений, которые выстраивают свою аргументацию, некритически заимствуя положения социально-конструктивистской методологии. В частности, когда С. Бем в «Линзах гендера» [3] заявляет, что анатомические и репродуктивные критерии различения полов не должны оказывать влияние на их социальные определения и культурные

коннотации, в качестве возражения можно указать на способность последних перформативно обосновывать аутентичность биологических различий. Выход из теоретического тупика заключается в радикальной проблематизации оппозиции означающее/означаемое, знака (тела) и его денотата, т. е. в деконструкции всех классических дефиниций пола и гендера, дающих возможность исследования гибридных субъективностей в постсовременной социальности.

В указанном контексте становится понятной теоретическая мотивация И. К. Сэдживик, которая вслед за Г. Рубин отмечает, что область сексуальности (совокупность действий, ожиданий, нарративов, удовольствий, актов формирования идентичностей и знаний) «невозможно расположить на карте, ограниченной феминистским обозначением пол/гендер» [12, 35]. «В том смысле, в каком она (сексуальность) концентрируется или отталкивается от определенных физических позиций, действий и ритмов, связанных (пусть условно) с рождением потомства или его возможностью, “сексуальность” может сопрягаться с “хромосомным полом”... Но в той степени, в которой, как доказывал Фрейд и предполагал Фуко, природа человеческой сексуальности стремится превосходить примитивную хореографию воспроизводства или отличаться от нее, “сексуальность” может оказаться прямой противоположностью того, что мы изначально определили как (базирующийся на хромосомах) пол: она скорее может занимать, даже более чем “гендер”, полярную позицию относительного, социального/символического конструкта, переменной величины, репрезентативного» [Там же].

Денатурализованное понимание сексуальности, а также ее включение в контекст дискурсивных и властных отношений дает возможность обнаружить «поистине удивительный факт, что из множества аспектов, на основе которых генитальная деятельность одного человека отличается от другого, именно гендер предпочитаемого объекта остается важнейшим обстоятельством, определяемым сегодня как всеопределяющая категория “сексуальной ориентации”» [Там же, 15]. Анализируя проблему гомосексуальности и ее осмысление в различных дискурсах Нового и Новейшего времени, И. Сэдживик отмечает в этой связи, что понадобилось время, прежде чем культура, а также научное и медицинское сообщество стали истолковывать сексуальную инверсию скорее как патологию сексуального влечения, чем как гендерную патологию: «Этому концептуальному сдвигу от гендера к полу способствовали изменения в социальных реалиях, в том числе отказ от разделения жизнедеятельности на мужскую и женскую сферы, а также возрастание сексуализации западной культуры» [Там же, 131]. Однако, несмотря на то, что появились отдельные исследовательские традиции, изучающие гомосексуальность, с одной стороны, как сексуальную ориентацию, а с другой — как гендерную идентичность, которые помогли немногочисленным защитникам гомосексуальности доказать, что однополая сексуальность не должна восприниматься как патология, они ни в коей мере не смогли подвергнуть сомнению результаты длительного сотрудничества науки и культуры в области гендерной поляризации. Соответственно «обе вышеупомянутые научные традиции 20 века, выросшие из концепции инверсии, продолжали признавать законным как преимущественное положение гетеросексуальности,

так и культурное требование, чтобы пол тела соответствовал гендеру психики» [12, 132]. Что же касается непосредственных травматических последствий метафизики половой и гендерной поляризации (идентичных в смысле мотивированной корреляции означаемого и означающего), то они имеют отношение в первую очередь к транссексуалам, вынужденным подвергаться тяжелым хирургическим операциям по перемене биологического пола. С. Бем справедливо отмечает, что «правильнее было бы рассматривать транссексуализм как оборотную сторону социального процесса гендерной поляризации, который формирует абсолютно традиционных мужчин и женщин. В конце концов, в культуре, менее склонной к гендерной поляризации, отсутствие жесткой связи между личностью, поведением индивидуума и гендерно-поляризованным комплексом, соответствующим его или ее биологическому полу, не имело бы столь большого значения» [Там же, 161].

Мы видим, что понятие «сексуальности», используемое Сэдживик, позволяет обосновать понимание «различия» в расширенном формате, в отличие от категорий классической гендерной теории. ИмPLICITно присущая последней метафизическая концепция гендера содержит в себе, в частности, предубеждение в отношении гетеросоциальных или гетеросексистских установок, которое «может встраиваться в любую гендерно основанную аналитическую проекцию в том смысле, что гендерные дефиниции и гендерная идентичность должны быть взаимосвязаны внутри самих гендеров — то есть в любой гендерной системе женская идентичность или принадлежность конструируется по аналогии принципу дополнительности, или противопоставлению мужской, как и наоборот», а «окончательной дефиниционной задачей любого гендерного анализа неизбежно становится диакритическая граница между двумя разными гендерами» [Там же, 38]. Напротив, многие аспекты сексуального предпочтения «не имеют явных, ярко выраженных дефиниционных связей с гендером» [Там же, 37], а «в конкретной сфере сексуальности... многие из нас знают о тех вещах, которые могут дифференцировать даже людей идентичного гендера, расы, национальности, класса или сексуальной ориентации» [Там же, 31].

Итак, феномен гендерной идентичности может быть нетривиально понят только при условии, если произойдет концептуальный отказ от его фундаменталистских, идеализированных и гомогенных определений, сформулированных классической философией и показавших свою содержательную несостоятельность применительно к описанию актуальной исторической ситуации. Однако, как нами было показано, некорректными и контрпродуктивными для современных гендерных исследований являются также методология вульгарного социального конструктивизма и натурализма, игнорирующая вопрос обоснованности своих теоретических предпосылок. Апелляция к любой из этих моделей, легитимирующих строго определенное содержание гендерной политики и регулярные опыты идентичности, недопустима для современных гендерных исследований, поскольку, с одной стороны, приводит к неспособности корректного описания интересующих нас предметностей, а с другой стороны, методич-

но воспроизводит дискриминацию, встраиваясь в общественные институты и дискурсы их самоописания.

1. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Минск, 2000.
2. Батлер Дж. Лакан, Ривьер и стратегии маскарада // Гендерная теория и искусство: ант., 1970–2000. М., 2005.
3. Бем С. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000.
6. Гэллон Дж. Ключи к Доре // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. Хрестоматия. Харьков; СПб., 2001.
7. Жеребкина И. Прочти мое желание. М., 2000.
8. Жеребкина И. Феминизм и психоанализ // Введение в гендерные исследования. Ч. 1. Харьков; СПб., 2001.
9. Жеребкина И. Феминистская теория 90-х годов // Там же.
10. Митчелл Дж. Женская сексуальность. Жак Лакан и école freudienne // Там же. Ч. 2.
11. Сиксу Э. Выходы // Гендерная теория и искусство.
12. Сэджвик И. К. Эпистемология чулана. М., 2002.
13. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Offord, 1984.
14. Goffman E. Gender advertisements. Cambridge, 1979.
15. Grosz E. Refiguring Desire // Space, Time and Perversion: Essays of the Politics of Bodies. N. Y.; L., 1995.
16. Irigaray L. Elemental passions. N. Y., 1992.
17. Klein M. Envy and Gratitude. L., 1957.
18. Lauretis T. de. The Practice of Love. Lesbian Sexuality and Perverse Desire. Bloomington, 1994.
19. Millett K. Sexual Politics. N. Y., 1970.
20. Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. N. Y., 1955.

Рукопись поступила в редакцию 16 декабря 2009 г.